

ОУИ НБ МГУ №178-179

О Н.Н. Лузине, расцвете и закате «Лузитании», театральной жизни 1920-х годов и противостоянии собиновцев и шляпинцев

<https://oralhistory.ru/talks/orh-178-179>

6 апреля 1971

Собеседник

Александров Павел Сергеевич

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 6 апреля 1971 и опубликована 4 декабря 2015.

Введение

Многолетний президент Московского математического общества, академик Павел Сергеевич Александров беседует с Дувакиным осторожно и тонко. Рассказывает о своем восприятии общекультурного контекста 1910—1920-х годов (это предмет профессионального внимания Дувакина), упоминает череду фамилий и важных событий в истории формирования Московской математической школы.

Александров вспоминает о создателе школы академике Н. Н. Лузине, умершем от тифа в деревне математике М. Я. Сулине, репрессированном Д. Ф. Егорове — тоже академике и президенте Московского математического общества (о последних месяцах его жизни в камере Лубянской тюрьмы посмотрите также воспоминания математика В. Ф. Щелкачева в дополнительных материалах к беседе). К сожалению, Павел Сергеевич умалчивает о том, что в 1930-е годы Н. Н. Лузин был жестоко раскритикован коллегами и партийными органами, лишился работы и последние полтора десятка лет доживал в статусе разоблаченного «врага в советской маске». Два интеллигентных собеседника обошли стороной все подводные камни: из их разговора непонятна природа конфликта между Лузиным, пережившим творческий кризис, и математическим сообществом. Павел Сергеевич, бывший одним из инициаторов «дела Лузина», лишь намекает на историю с гибелью талантливого студента — В. В. Степанова, — ставшей поворотной точкой в жизни ученого.

Александров советом и рекомендацией помогал Дувакину в выборе собеседников и согласился на запись одним из первых среди ученых МГУ. Эта беседа интересна не только формой, но и тем, что собеседники — старые московские интеллигенты со своим выговором и замечательной округлостью формулировок.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Павел Сергеевич, меня интересует все относящееся к русской культуре 20-х годов. И я просил бы вас начать с кратких сведений о себе.

Павел Сергеевич Александров: Ну что ж, это можно. Родился я в 1896 году, 7 мая, в городе Богородске, нынешний Ногинск. Отец мой там был врачом, заведовал уездной земской больницей. Ногинска, Богородска я не помню, потому что мне было полтора года, когда отец... семья вся переехала в Смоленск, где отец получил место старшего врача Смоленской губернской земской больницы. Место, которое он занимал до самой своей смерти 2 декабря 1920 года. Умер он от сыпного тифа, в полном смысле этого слова на своем посту. Отец сразу же после Октябрьской революции был привлечен к работе в местном губернском отделе народного здравоохранения, был там заведующим лечебным подотделом, совмещая эту должность с должностью главного врача губернской больницы. Так что в этом смысле он сразу занял такую позицию полной готовности работать с советской властью.

Теперь что мне сказать о себе? Воспитывался я дома, поступил в четвертый класс частной гимназии Евневича — такая была частная гимназия, очень хорошая, о которой я сохранил самые лучшие воспоминания.

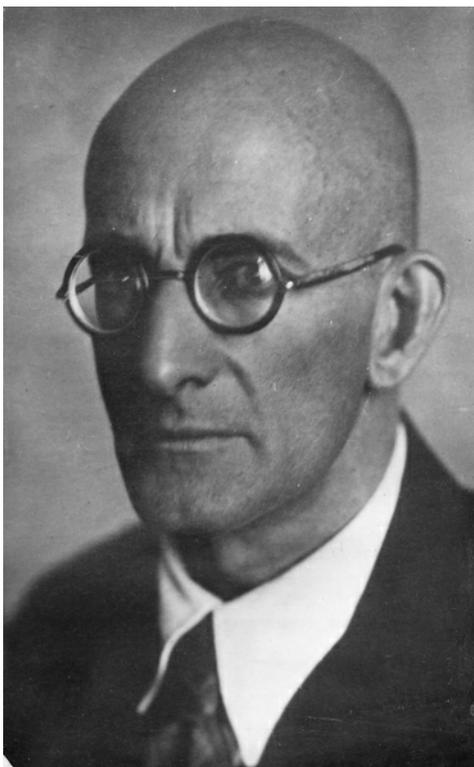
В.Д.: Это в каком городе?

П.А.: В городе Смоленске все было. В Смоленске все мое детство прошло.

В.Д.: По существу, вы смоленчанин.

Учеба в гимназии

П.А.: Да, конечно. И вот об этой гимназии я сохранил самые лучшие воспоминания, о своих учителях тамошних. В частности, мой учитель математики Александр Романович Эйгес, которому я обязан тем, что сделался математиком. Он меня заинтересовал математикой, когда я был в четвертом классе гимназии. Интерес этот был проявлен на почве геометрии Лобачевского, о которой он рассказывал самые простые, доступные вещи, но достаточные для того, чтобы вот так меня заинтересовать. Потом, проучившись четвертый и пятый класс, я вышел, за один год подготовился в восьмой класс, поступил в восьмой класс и кончил гимназию в 913-м году. Таким образом, я учился, собственно, в гимназии три года. Может быть, это содействовало тому, что у меня были такие хорошие воспоминания: гимназия не успела мне надоесть, как она надоедала многим.

Павел Сергеевич Александров

В.Д.: Павел Сергеевич, попутный вопрос. Вы у Александра Романовича Эйгеса в Смоленске учились?

П.А.: Да, конечно.

В.Д.: Семья-то вся мценская. Вы знали вообще из семьи кого-нибудь?

П.А.: Всех знал.

В.Д.: Вот немножко упомяните про них.

П.А.: Так я же был женат на Екатерине Романовне Эйгес, на сестре Александра Романовича¹, так что я даже находился в родственных отношениях с этой семьей и всю семью знал очень хорошо в свои студенческие годы. Знали ли вы Вячеслава Васильевича Степанова? Это был тоже мой очень близкий друг, яркий человек, с очень широкими интересами, профессор Московского университета. Я говорю про Степанова Вячеслава Васильевича. Он был близко очень знаком с семейством Эйгесов. Вообще, семейство Эйгесов — это было то семейство, в котором в студенческие годы я больше всего проводил времени. Там я познакомился с разными другими...

¹ Екатерина Романовна Эйгес (1890-1961) до Октябрьской революции окончила математическое отделение Московского университета, затем, оставив занятия математикой, работала в различных библиотеках. Такие автобиографические сведения Е.Р. Эйгес сообщает в своих воспоминаниях о С.А. Есенине, с которым она была очень дружна в 1919-1921 гг. (см.: Эйгес Е.Р. Воспоминания о Сергее Есенине // «Новый мир», 1995, № 9. С. 182-193). После появления этой публикации племянница Е.Р. Эйгес, Л.Г. Чудова, прислала в редакцию журнала письмо, в котором рассказала о жизни Екатерины Романовны и всего многолетнего семейства Романа Михайловича и Софьи Иосифовны Эйгес (см.: Чудова Л.Г. О «Воспоминаниях» Е.Р. Эйгес // «Новый мир», 1996, №1. С. 239-240). В отделе устной истории Научной библиотеки МГУ хранится запись устных воспоминаний Л.Г. Чудовой об Эйгесах, сделанная В.Ф. Тейдер в марте 1997 года. С П.С. Александровым Е.Р. Эйгес познакомилась в студенческие годы, несколько лет он был ее женихом; их брак, заключенный в 1921 году, распался через три года.

В.Д.: Значит, вы знали, кроме Александра Романовича, кого еще?

П.А.: Я всех знал. Константина Романовича, музыканта.

В.Д.: Да, музыковеда.

П.А.: Иосифа Романовича знал.

В.Д.: Литератора.

П.А.: Литератора и тоже музыканта. Екатерину Романовну знал, Надежду Романовну знал, с которой познакомился, когда мне было четырнадцать лет, когда она гостила у Александра Романовича.

В.Д.: Да, вы знаете, Надежда Романовна. (Усмехается.) Я как раз от нее о вас слышал, что вы четырнадцати лет, когда у нее первая дочь родилась, Люля, вы ей в родильный дом принесли цветы.

П.А.: Да, это верно. Это было, когда она была у Александра Романовича там, а у нас в Смоленске хорошая сирень была в саду, при нашем доме.

В.Д.: Я думал, что это все было во Мценске.

П.А.: Нет, это все было в Смоленске. Во Мценске я был один-единственный раз, уже в 916-м году, совершенно верно. И там я был уже, так сказать, в гостях у Екатерины Романовны, своей будущей жены. Вот как это все было.

В.Д.: И теперь перейдем к университету?

П.А.: Да нет, подождите, я еще хочу сказать, что Александру Романовичу Эйгесу я, в частности, очень много обязан и в смысле своего общего мировоззрения, литературного и эстетического. Он оказал очень большое влияние на формирование моей личности не только как математика, но и просто как человека. Так что семейству Эйгесов я вообще очень обязан.

С Надеждой Романовной я и сейчас... к сожалению, очень редко бываю у нее, но все-таки иногда бываю, и мы иногда говорим по телефону. Ну, конечно, сейчас уже ей тоже много лет, и мне много лет.

В.Д.: Она старше вас.

П.А.: Она гораздо старше меня. Теперь что же — университетские дела, университетский период? Период знакомства с Эйгесами — это же и период моих студенческих лет. Там я с многими людьми встречался. В частности, я познакомился там с Добровейном, пианистом, который ухаживал за Екатериной Романовной и который потом прославился тем, что играл «Аппассионату» в присутствии Владимира Ильича Ленина. Еще с разными людьми я там был связан.

Студенческие годы

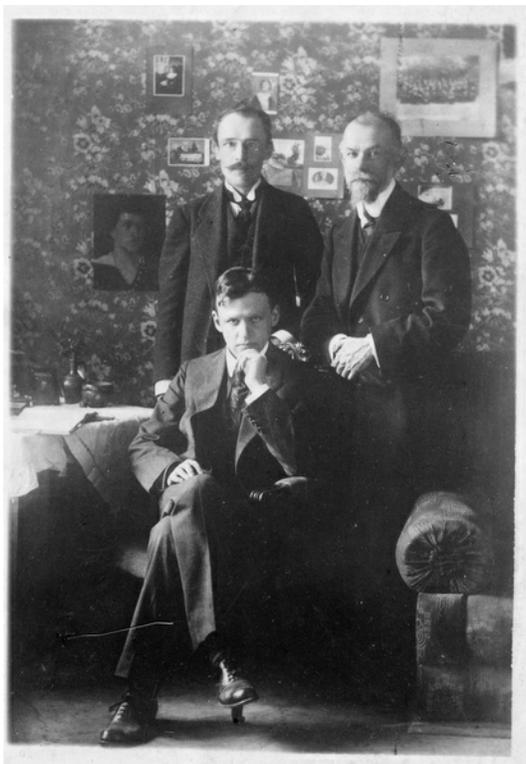
В.Д.: Значит, студенческие годы ваши начинаются в 13-м году, да?

П.А.: Да.

В.Д.: Мне Андрей Андреевич Андреев² немножко рассказывал про это время. Мне бы очень интересно было, если б вы охарактеризовали также Московский университет этого времени и потом.

² По-видимому, имеется в виду А.А. Марков-младший, которого В.Д. Дувакин записывал в 1970 году, незадолго до П.С. Александрова.

П.А.: Ну, что же, на нашем факультете все-таки центральными фигурами были Дмитрий Федорович Егоров и Николай Николаевич Лузин. Дмитрий Федорович Егоров воспринимался как такой глава всей московской математической школы, которым он и был. Николай Николаевич Лузин воспринимался как человек исключительного творческого дарования, очень быстро сгруппировавший вокруг себя целую плеяду своих молодых учеников, студентов. Это были Александр Яковлевич Хинчин, который был также и учеником Дмитрия Федоровича... Но, между прочим, по существу, конечно, все мы испытывали на себе влияние не только Николая Николаевича Лузина, но и Дмитрия Федоровича Егорова, имевшего, кстати сказать, очень большой моральный авторитет. Он воспринимался все-таки как глава школы, несмотря на то, что в чисто математическом отношении, в таком творческом, Лузин был на первом месте. Егоров превосходил его своей эрудицией чрезвычайно большой, но, конечно, в смысле творческой продуктивности Лузин стоял выше.

Стоят (слева направо): В. Серпинский, Д.Ф. Егоров. Сидит: Н.Н. Лузин

Более молодое поколение прежде всего содержало Вячеслава Васильевича Степанова и Ивана Ивановича Привалова. Они были тогда доцентами. В 913-м году Степанову было двадцать четыре года, а Привалову двадцать три года. Потом уже они стали очень яркими фигурами на математическом горизонте и входили, в качестве старших членов, в так называемую «Лузитанию», которая возникла уже после.

В.Д.: Какое хорошее слово. «Лузитания» — это что, ученики Лузина?

П.А.: Да-да, да-да.

В.Д.: Вот такие вещи вы не упускайте, этого ни в каком отчете не прочтешь.

П.А.: Нет, это известно, можно уже сейчас прочесть, это в разных статьях есть, к тому времени относящихся. Это уже давно известное слово. «Лу-зи-тания» — это весь большой коллектив учеников Лузина.

В.Д.: Океанский пароход³.

³ В.Д. Дувакин говорит о «Лузитании» — знаменитом английском пароходе, который был потоплен немецкой подводной лодкой в 1915 году. Изначально Лузитанией называлась древнеримская провинция, расположенная на территории нынешней Португалии.

П.А.: Об этом, между прочим, имеются воспоминания Люстерника, одного из членов этой «Лузитании» и очень крупного математика, который в «Успехах математических наук» опубликовал свои воспоминания под названием «Молодость московской математической школы». Там об этих вещах много⁴.

⁴ Воспоминания Л.А. Люстерника «Молодость московской математической школы» публиковались постепенно в течение нескольких лет — см.: «Успехи математических наук», 1967. Т. 22. Вып. 1. С. 137-161; Вып. 2. С. 199-239; Вып. 4. С. 147-185; 1970. Т. 25. Вып. 4. С. 189-196.

В.Д.: Я его записывал.

П.А.: Ну, да-да. Вот он как раз о «Лузитании» очень много может рассказать. Мы же вместе входили с ним: он был моложе, чуть (наверно, на четыре года моложе меня), но весь «лузитанский» период мы проходили вместе. Кстати, Люстерник тоже из Смоленска и тоже учился у Александра Романовича Эйгеса. Но, правда, Александр Романович Эйгес его математического таланта как-то, ну, не открыл, что называется. Он уже проявился здесь, позже, в школе Лузина.

Студенты и преподаватели математического отделения Московского университета. 1910-е гг.

Теперь, жизнь моя тогда. Что же, было много все-таки хорошего: был университет, было очень много музыки всегда. В частности, я был постоянным посетителем концертов Олениной-д'Альхайм⁵ (вместе со Степановым мы ходили на эти концерты), был постоянным посетителем концертов Игумнова, сонатных вечеров, которые тогда давались, скрипичные, трио Шор — Крейн — Эрлих⁶. Музыки много я слушал и тогда уже тоже. Потом семейство Эйгесов, которое было таким все-таки, я считаю, большим культурным центром. В общем, у меня хорошие воспоминания о своих студенческих годах остались.

⁵ Камерная певица (меццо-сопрано) Мария Алексеевна Оленина-д'Альгейм (1869–1970) с 1908 по 1916 гг. проводила в Москве циклы сольных вокальных вечеров. Вечера часто имели форму лекций-концертов, в которых принимали участие поэты Андрей Белый, В.Я. Брюсов, философ и переводчик Г.А. Рачинский и т.д. См. об этих концертах: Туманов А. Н. «Она и музыка, и слово...»: Жизнь и творчество М.А. Олениной-д'Альгейм. М., «Музыка», 1995. С. 163–209 (в 2001 году книга была переиздана).

⁶ Знаменитое «московское трио», которое организовал в 1880-е гг. пианист, дирижер и композитор Давид Соломонович Шор (1877–1942) вместе со скрипачом Давидом Сергеевичем Крейном (1869–1926) и виолончелистом Рудольфом Ивановичем Эрлихом (1856–1924), просуществовало в течение нескольких десятилетий.

В.Д.: То есть вы кончили...

П.А.: ...в 917-м году, весной уже, после Февральской, но до Октябрьской революции.

В.Д.: Понятно. Но все эти вещи, которые вы вспоминали, относятся уже к Москве, а не к Смоленску?

П.А.: Так Смоленск кончился в 913-м году.

В.Д.: Ну да, понятно. А Эйгесы не переехали в Москву?

П.А.: Нет. Александр Романович переехал в Москву только уже после революции, так что-нибудь около 22-го года, по моему.

В.Д.: Так что с окончанием гимназии...

П.А.: Нет, связь не прерывалась, потому что мои родители жили в Смоленске, и я довольно много времени проводил там.

В.Д.: Ах, так что связь была?

П.А.: Да! Связь была все время: я на каникулярное время всегда приезжал в Смоленск, но бывал иногда, и довольно подолгу, и зимой.

В.Д.: А в 24-м — 25-м году Александр Романович Эйгес уже выступает как один из учредителей Общества друзей музея Чехова...

П.А.: Ну да.

В.Д.: ...где, собственно, я потом его и встречал.

П.А.: Переехал он в Москву, должно быть, в 21-м — 22-м году, а может быть, и между 20-м и 22-м — вот так. Точно я сказать не могу.

В.Д.: Значит, в 17-м году вы окончили университет, началась ваша научная работа.

П.А.: Нет, моя научная работа началась в 15-м году, и первая моя научная работа печатная была опубликована в «Comptes Rendus» Парижской академии наук, это было в 916-м году.

” Первый период интенсивной творческой математической деятельности тоже относится к 15-му году. 15-й год. Это вовсе не бывает у нас связано с окончанием университета непременно. В этом смысле математики и гуманитарии устроены совершенно по-разному.

В.Д.: Математики очень рано...

П.А.: У нас рано. В студенческие годы уже обыкновенно, если у кого есть математические способности, то они проявляются. В студенческие, в аспирантские. То есть тогда еще понятия «аспирант» не было, было: «оставлен при университете». Это гораздо позже... А первые мои научные успехи, значительные довольно, были как раз в 915-м году. Я одну из лучших своих вообще работ написал в этом возрасте.

Переезд в Чернигов и увлечение театром

А потом был длительный перерыв, потому что уже в дальнейших моих научных работах (это уже 17-й год) меня постигла неудача, и я даже бросил математику. Уехал в Чернигов, работал там в Отделе народного образования, театром заинтересовался.

В.Д.: Театром заинтересовались?

П.А.: Да. Я был одним из организаторов черниговского театра. Это относится к 919-му году. Между прочим, в 919-м году я познакомился с Собиновым — там, в Чернигове. Собинов был в это время заведующим Отделом искусств во всеукраинском масштабе.

В.Д.: Это в 19-м?

П.А.: Да. Тут вот два тома собиновских воспоминаний...⁷

⁷ Речь идет о двухтомнике «Л.В. Собинов», напечатанном в 1970 году издательством «Искусство». Первый том составили письма Л.В. Собинова, во второй вошли статьи, речи, высказывания Л.В. Собинова и письма к нему, а также воспоминания о Л.В. Собинове.

В.Д.: Это кто ж тогда там был, в 19-м?

П.А.: Советская власть была.

В.Д.: Это что же, до Петлюры?

П.А.: Нет, это после Петлюры.

В.Д.: В 19-м году...

П.А.: Петлюра был в 18-м году. Петлюра был короткий период конца 18-го — начала 19-го года, а Чернигов мой — это лето 19-го года. Приезд Собинова в Чернигов — это август 19-го года, о чем тоже можно из его писем и воспоминаний вот этих двух томов (очень интересных, между прочим), которые я с большим увлечением читаю. Собинов был в Чернигове в качестве заведующего отделом искусств украинского комиссариата народного просвещения. Мы устроили в Чернигове три его концерта. Это были замечательные концерты, они кончались чуть ли не в час ночи. Собинов без конца пел, был совершенно доступен, чрезвычайно обаятелен во всех своих проявлениях. Вот тогда я его впервые узнал.

Потом это знакомство здесь поддерживалось, в Москве, в доме Гольдовских. Ведь, по-моему, Гольдовский был женат на такой знаменитой скрипачке Лии Любшиц, которая потом уехала в Америку. И они жили в Трубниковском переулке. Сын Гольдовского был математик, чрезвычайно талантливый, через него и произошло знакомство с этим очень тоже интересным домом Гольдовских. Это был крупный юрист, у него сохранилась большая квартира. В этой квартире была зала — ну, как бывали залы в таких больших...

В.Д.: Как приемная?

П.А.: Нет, она была просто... я не знаю, может быть, она служила и приемной, но она была как зала в старых...

В.Д.: ...барских?

П.А.: ...барских домах. Красивая была зала, она, собственно, была, конечно, построена как зала для танцев. Вот там происходили музыкальные вечера. Было трио Любшиц, очень известное в Москве: там была замечательная действительно скрипачка Лия Любшиц, потом была такая Анна Любшиц, виолончелистка, и затем был пианист Петр Любшиц, не очень яркий, но хороший аккомпаниатор. Там бывал Собинов часто и в такой домашней обстановке пел. Очень тоже доступны были его выступления, никогда его не нужно было упрашивать, и никогда он себя не вел как великий человек. Вот тут я с ним уже тоже встречался.

В.Д.: То есть вы его лично как человека знаете?

П.А.: Да, и как чрезвычайно обаятельного человека. Эти впечатления подтверждаются всем тем, что я читал о нем.

” Должен сказать (если уж идет разговор о русской культуре XX века), то есть нечто, с чем я не могу помириться. Это, простите, с теми хамскими словами, с тем хамским упоминанием Собинова, которое позволил себе Маяковский.

Я считаю, что это такое позорное пятно, которое я никогда не могу Маяковскому простить. Каков бы он ни был, каким бы он ни был значительным поэтом, но все-таки такое падение было допущено.

В.Д.: «...ваше слово слюнявит Собинов и выводит под березкой дохлой — „Ни слова, о дру-уг мой, ни вздо-о-о-о-ха“». Это вы имеете в виду?

П.А.: Я имею в виду стихотворение Маяковского, посвященное памяти Есенина. Ну да, вот это и есть-то. Настолько, я считаю, цинично и недостойно, что я даже не хочу об этом упоминать. Насколько я знаю, Собинов ему ответил на это стихотворение письмом, но мне это письмо неизвестно, и я не знаю, едва ли оно опубликовано. По-моему, в письмах опубликованных Собинова его нет.

В.Д.: По-моему, он даже стихотворение написал, Собинов, он попробовал ответить стихами. Я об этом слышал⁸.

⁸ Очень жесткий текст эпиграммы Л.В. Собинова, написанной как ответ В.В. Маяковскому, приводит Э. Кузнецов в своей статье «Эпиграмменные дуэли» («Вопросы литературы». 2002. №3. С.326). Другой вариант полемического ответа В.В. Маяковскому, видимо, еще не публиковался: Я только лирик скромный, я певец, Петь жизни радости судьбою я избран. А ты, дубины рыцарь и наглец — Тебе ль меня понять, российский хулиган! (Оба стихотворения хранятся в личном фонде Л.В. Собинова в РГАЛИ: фонд 864, опись 1, дело 171, лист 123). Но не исключено, что существовал и третий вариант ответа В.В. Маяковскому. По крайней мере, театральный режиссер Г.В. Кристи в мемуарах следующим образом описывает, как Л.В. Собинов читал ему свои стихи: «Одно из стихотворений было обращено к Маяковскому, который в известном стихотворении, посвященном Есенину, нанес Собинову обиду. В ответ на это Леонид Витальевич призывал Маяковского быть более терпимым к собратям по искусству. Такой прямотушный ответ обидевшему его поэту был очень характерным для Собинова» (см.: Л.В. Собинов. Т.2. Статьи, речи, высказывания. Письма к Л.В.Собинову. Воспоминания о Л.В. Собинове... С.293).

П.А.: Ну да. Все-таки таких вещей нельзя... если ты представитель какого бы то ни было искусства, таких вещей позволять себе нельзя. Вообще, никогда.

В.Д.: Ну, вспомните Тургенева и Некрасова⁹.

⁹ См.: Мостовская Н.Н. Тургенев и Некрасов. Противостояние // «Русская литература». 1999. №1. С. 45-52.

П.А.: Там, во всяком случае, было на каком-то уровне все-таки.

В.Д.: Выражались, знаете, очень крепко. А как Толстой выражался о Чернышевском и так далее? «Клоповоняющий» писатель¹⁰.

¹⁰ В письме к Н.А. Некрасову от 2 июля 1856 года Л.Н. Толстой очень резко сформулировал свое отношение к критическим статьям Н.Г. Чернышевского в «Современнике»: «Срам с этим клоповоняющим господином. Его так и слышишь тоненький, неприятный голосок, говорящий тупые неприятности и разгорающийся еще более от того, что говорить он не умеет и голос скверный» (Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т.60. М., 1949. С. 74-75).

П.А.: Да, но это как-то не предавалось такому уже всенародному... Это были внутренние ссоры между людьми, которые не делались достоянием гласности. В конце концов, если это в письмах было — письма не предназначались для печатания, и если они даже и были потом напечатаны... Но такую вещь написать в стихотворении, да еще в стихотворении, посвященном памяти Есенина, — это неблагородный поступок.

В.Д.: А кроме Собинова, с какими еще деятелями искусства вы в то время встречались?

П.А.: Впоследствии я очень... но это уж гораздо позже...

В.Д.: Будем идти более-менее подряд.

П.А.: Ах, нет, я никого не мог бы особенно назвать. Вот я вам назвал Добровейна, но это было довольно-все-таки мимолетное знакомство, хотя я с ним многократно встречался в доме Эйгесов.

В.Д.: Простите, а Лузин, по вашим впечатлениям, как-нибудь был сопричастен к искусству, к интересам...

П.А.: Нет! Видите, у него были очень широкие литературные интересы, несомненно, очень широкие литературные интересы, и он был большим знатоком литературы. Он очень хорошо читал вслух и обладал большим чувством юмора. Очень был интересным собеседником, с чрезвычайно широким кругом познаний и интересов. В музыке он мало разбирался и мало ее любил. Хотя среди математиков были люди, любившие музыку и связанные с музыкой. Это, прежде всего, Дмитрий Федорович Егоров, который был женат на дочери Гржимали. Гржимали был крупный скрипач, крупный музыкант. Вернее, он не был никогда скрипачом-виртуозом, но очень крупный камерный скрипач, участник камерных ансамблей. Например, первое исполнение трио Чайковского знаменитого, «Памяти великого художника», было в составе Танеев — Гржимали — Брандуков. Ну, этого исполнения я не слышал¹¹. Но вообще Гржимали, конечно, очень большую роль играл в музыкальной жизни. Я его узнал в старости уже, так очень тоже мимолетно, потому что мой брат у него учился, учился в консерватории и был его учеником.

¹¹ Трио П.И. Чайковского «Памяти великого художника», посвященное пианисту Н.Г. Рубинштейну (1885-1881), было впервые исполнено 11 марта 1882 года С.И. Танеевым (фортепиано), И.В. Гржимали (скрипка) и В.Ф. Фитцелпагеном (виолончель). Виолончелист А.А. Брандуков участвовал в другом известном исполнении этого трио (вместе с С.И. Танеевым и Ю.Э. Коносом) 29 сентября 1891 года (см.: Дни и годы П.И. Чайковского. Летопись жизни и творчества. М.-Л., 1940. С. 280, 536).

В.Д.: Вы говорили сейчас, помимо математики и науки, о музыке, немножко коснулись литературы, а вот у вас, и не только у вас, у вашей среды «лузитанской» (*усмехается*), какие-нибудь интересы в области живописи были определенные? Что-нибудь было для вас биографически значительным?

П.А.: Нет, биографически значительным ничего не было. Ходили, смотрели то, что можно было смотреть, эти коллекции французской живописи, которыми Москва славилась, ходили в Третьяковскую галерею, но музыка играла гораздо большую роль.

В.Д.: Понятно. А театр? Вы сами ведь были театральным деятелем.

П.А.: Ну, каким театральным деятелем?!

В.Д.: Понимаю, как любитель, но здесь ведь театральная Москва.

П.А.:

Не могу себе простить того, что ни разу не видел Ермолову, по той причине, что я тогда, как и многие люди моего возраста, — мы находились всецело в орбите Художественного театра. Мы считали, что Художественный театр — это и есть последнее слово театра.

Действительно, постановки Художественного театра я почти все видел, ими увлекался, а Малый театр, мы считали, что это такой устарелый...

В.Д.: ...провинциальный.

П.А.: Не провинциальный, но, во всяком случае, относящийся уже к минувшей эпохе. Я себе этого сейчас не могу простить. Ну, потом я был большим все-таки любителем Большого театра и постоянно там бывал. В частности, очень много слушал Собинова, Нежданову, очень преклонялся перед ними как перед действительно великими артистами. Это еще был период студенческий.

О московской музыкальной культуре

В.Д.: Ну, и Шаляпин, конечно.

П.А.: Шаляпина я один раз в жизни слышал.

В.Д.: Только?

П.А.: Да. Один раз в жизни слышал, и, представьте себе, вот таким почитателем его я не был никогда, потому что считаю, что как музыканты, с чисто музыкальной стороны, и Собинов, и Нежданова были выше Шаляпина. У Шаляпина музыка чересчур была подчинена драматическому искусству. Шаляпин все-таки был в основном драматическим артистом с великолепным голосом.

В.Д.: Трагическим артистом.

П.А.: Да. Я слышал Шаляпина один-единственный раз, как я говорил, в «Борисе Годунове», но Собинов и Нежданова — это были музыканты, для которых голос был прежде всего... хотя и они были, особенно Собинов, замечательными, конечно, артистами. Такая интерпретация, которая давалась Ленскому и Лознгрину, об этом все уже знают сейчас, — это было, конечно... Вообще Лознгрин Собинова — это, конечно, колоссальное творческое достижение. Вот почему Маяковский тут, помимо всего прочего, демонстрировал свою, ну, такую полную все-таки безграмотность художественную¹². Потому что известное суждение Никиша, такого великого музыканта...

¹² В стихотворении «Памяти Есенина» Маяковский иронично назвал Собинова «Леонидом Лознгриничем».

В.Д.: Дирижера?

П.А.: ...не только дирижера, но великого музыканта и, конечно, величайшего, так сказать, исполнителя «Лознгрин» в целом¹³, который считал, что вообще такого Лознгрин, как Собинов, не было никогда и такой Эльзы, как Нежданова. Собственные свидетельства Никиша о том, что это единственный раз в жизни, когда он вдруг почувствовал (зная наизусть, конечно, всю партитуру «Лознгрин») и чуть не сбился с такта, потому что, слушая пение Собинова, вдруг почувствовал, что у него слеза катится по щеке. Такой опытный музыкант, отнюдь не сентиментальный какой-нибудь поклонник оперного искусства, один из крупнейших музыкантов своего времени, совершенно трезвый, самый строгий из всех дирижеров, которых мне приходилось слышать, вот так он реагировал на исполнение Собиновым партии Лознгрин¹⁴. И вот приходит человек, ничего не понимающий, очевидно, в музыке, позволяющий себе такие цинические высказывания.

¹³ Речь идет о знаменитом венгерском музыканте, дирижере и педагоге Артуре Никите (185–1922). См. о нем: Липаев Ив. Артур Никиш, дирижер оркестра: Биография и характеристика. М.: П. Юргенсон, 1903. А. Никиш много раз руководил исполнением оперы Р. Вагнера «Лознгрин», в частности, 3 ноября 1909 года он провел этот спектакль в Большом театре с участием Л.В. Собинова и А.В. Неждановой.

¹⁴ П.С. Александров пересказывает здесь слова А. Никиша, произнесенные после спектакля в Большом театре; они цитируются в комментарии к одному из писем Л.В. Собинова, которые были опубликованы в упоминавшемся выше двухтомнике: «Какое небесное видение, какой небесный голос! Я дирижирую и чувствую, что невольная слеза катится по моей щеке. Сколько Лознгринов пересмотрел я на своем веку, но никогда не переживал такого глубоко-патриотического, захватывающего момента» (см.: Л.В. Собинов. 1.1. Письма... С. 742).

В.Д.: В вашем упоминании о Шаляпине я почувствовал как раз — просто мне это очень интересно, я слышал об этом только случайно, — что посетители, причем не просто посетители, а любители, прозелиты Большого театра, резко делились на, так сказать, «шаляпинцев» и «собиновцев». Вы были, так сказать, ярым «собиновцем».

П.А.: Да, вполне, да-да, и еще большим почитателем Неждановой тоже. Когда я как-то недавно проводил общее собрание аспирантов, я сказал им, что считаю: в кандидатский минимум надо включить тридцать страниц с небольшим воспоминаний Неждановой, которые вот тут, в этой книге. Такая есть большая книга Неждановой, и там интересны, конечно, ее воспоминания¹⁵. Это воспоминания, которые в чрезвычайно яркой форме рисуют возникновение и развитие творческой личности и взаимоотношение двух основных факторов всякого творчества — любви к предмету этого творчества и труда. Я не знаю более яркого описания этого, чем в воспоминаниях Неждановой, когда Нежданова приехала в Москву и ее прослушивал Мазетти¹⁶. Он ей сказал, что, вы знаете, я все-таки не могу взять на себя ответственность и рекомендовать вам бросить вашу учительскую деятельность в Одессе, потому что не могу вам обещать, что из вас получится большая певица — у вас очень небольшой диапазон. Потом этот диапазон Нежданова, как известно, так расширила, что стала одной из первых и по диапазону своему певиц во всем мире. И каким колоссальным трудом ей далось это — то, что она достигла в области искусства¹⁷. Этот труд, конечно, мог осуществиться только благодаря страстной любви к своему делу, подлинному призванию.

¹⁵ См.: Нежданова А.В. Воспоминания // А.В. Нежданова: Материалы и исследования. М.: «Искусство», 1967. С.9–168.

¹⁶ Умберто Карлович Мазетти (1869–1919) — профессор Московской консерватории.

¹⁷ У.К. Мазетти говорил приведенные рассказчиком слова не только после прослушивания, но и через два месяца занятий с А.В. Неждановой, которые не дали никакого результата: «Профессор Мазетти вообще был очень осторожен, он не мог пока сказать ничего определенного и попросил еще подождать. Он не решился брать на себя ответственность советовать мне оставить работу в училище и всецело посвятить себя искусству» (Нежданова А.В. Воспоминания... С. 49). Но постепенно совместные усилия учителя и ученицы принесли свои плоды, и голос А.В. Неждановой получил новое, более яркое и сочное, чем прежде, звучание.

Антонина Васильевна Нежданова

Вот об этом как раз я говорил недавно: тут была такая встреча моя с артистами Большого театра, и в связи с этим я говорил. У нас есть такой договор дружбы между Большим театром и университетом. В осуществление этого договора я был в Большом театре, и была у меня встреча с артистами Большого театра. И были руководители Большого театра здесь у нас, в университете, — я тоже с ними встречался.

В.Д.: Очень интересно, совершенно новый разрез в моих... и совершенно новый материал: ни Собинов, ни Нежданова у меня пока нигде еще не упоминались.

П.А.: Я очень жалею, что эти воспоминания Неждановой прочел уже много лет спустя после ее смерти, потому что я один-единственный раз встречался с Неждановой — вот так, в частной обстановке. Это был один вечер, устроенный в Доме ученых в связи с какими-то полярными достижениями Отто Юльевича Шмидта. Тоже, между прочим, человек, перед которым я очень преклоняюсь. Это был вечер — такой ужин, что ли, торжественный — то ли после его возвращения с Северного полюса, то ли...

В.Д.: Челюскинцев?

П.А.: Нет, ведь после челюскинцев было еще путешествие к Северному полюсу.

В.Д.: Ну, да-да.

П.А.: Много же было полярных путешествий у Отто Юльевича Шмидта. Так вот я не помню, после какого именно из них был такой, ну, род банкета, довольно скромного, на котором мне пришлось сидеть весь вечер рядом с Неждановой. Но мы с ней вели только довольно безразличный разговор, во всяком случае, он мне не запомнился. Если бы я знал то, что узнал потом из ее воспоминаний, я бы очень о многом хотел бы ее спросить, но, к сожалению, не вышло. Мой брат, врач, Михаил Сергеевич Александров... не знаю, слышали вы?..

В.Д.: Слышал, слышал.

П.А.: Вот ему пришлось... такая у него судьба своеобразная — он, собственно говоря, больше всех виделся с Неждановой в самые последние дни ее жизни. Когда она лежала в Кремлевской больнице, он был приглашен в качестве врача-консультанта, и после этой медицинской встречи ее ежедневно навещал. И она очень была с ним... много плакала, много вспоминала, в частности, о Собинове тоже. Это были самые последние дни.

В.Д.: Понятно. Она умерла в каком году?

П.А.: В 50-м.

В.Д.: С Собиновым вы общались больше?

П.А.: Ну да, но это тоже был короткий период между 22-м и 24-м годом. Потом, между прочим, этот молодой человек, Гольдовский, очень талантливый математик, в совсем юном возрасте погиб в горах: он был альпинистом и, по-моему,

двадцати четырех лет погиб. И на этом кончилось... Лия Любошиц уехала в Америку, и знакомство на этом кончилось. Встречи с Собиновым, в частности, кончились тоже в эти годы.

В.Д.: Меня это интересует просто, так сказать, вы не запомнили каких-нибудь высказываний Собинова о других лицах?

П.А.: Нет.

В.Д.: В частности, вряд ли он, конечно, себе это позволял, но...

П.А.: Нет, он был очень скромный, очень деликатный человек, никак себя не выставлявший никогда. Вот эти впечатления у меня сохранились.

В.Д.: Так что в разговоре с вами никаких, так сказать, контрперекличек с Шляпиным?..

П.А.: Нет-нет-нет, ничего этого не было. Нет-нет, совершенно этого не было.

В.Д.: Потому что они так открыто конкурировали, вообще говоря. Это вот тоже есть, не помню, в чьих воспоминаниях, относительно их конкуренции, в какой-то степени и об оплате, звании — в театре.

П.А.: Ну да, тут тоже много ведь...

В.Д.: Накручено, может быть.

П.А.: ...писалось тоже лишнего. В частности, вот воспоминания Теляковского — они были очень...

В.Д.: Кажется, я их читал¹⁸.

¹⁸ Владимир Аркадьевич Теляковский (1860-1924), многолетний директор Императорских театров Москвы и Санкт-Петербурга, написал несколько мемуарных книг, порознь напечатанных в 1920-е гг.: «Воспоминания. 1898-1917», «Императорские театры и 1905 год», «Мой сослуживец Шляпин» и т.д. В 1965 году все эти книги были впервые собраны вместе и напечатаны издательством «Искусство» под названием «Воспоминания». О соперничестве между Ф.И. Шляпиным и Л.В. Собиновым см. с. 135-136 и 409-412 этого издания.

П.А.: Они довольно неприятные, между прочим, очень субъективные. Ну, бог с ними, это уже к нашей теме не имеет отношения.

Московская театральная жизнь

В.Д.: Да, хорошо. Но мне хочется из ваших юношеских впечатлений еще немножко больше услышать о театре. Вы так, в общей форме, сказали, что не пропускали ничего в Художественном театре. Из этого можно сделать вывод, что, скажем, Мейерхольд 20-х годов вас не захватил.

П.А.: Так Мейерхольд же был... ах, Мейерхольд 20-х годов, когда уже был в Москве.

В.Д.: Да. А «Маскарад» Мейерхольда вы не видели в Петербурге?

П.А.: Нет, я же не был в Петербурге тогда, ведь это уже был другой период...¹⁹ ведь я говорю о Художественном театре в свои студенческие годы.

¹⁹ Спектакль В.Э. Мейерхольда «Маскарад» шел в Александрийском театре в 1917 году.

В.Д.: Ну да, то есть война.

П.А.: Война, и непосредственно год перед войной. Я все-таки приехал зимой 913-го — 914-го года.

В.Д.: Это, конечно, расцвет Художественного театра.

П.А.: Да, и вот тогда я очень много там бывал, основные все постановки видел.

В.Д.: И «Юлия Цезаря» видели?

П.А.: Нет, «Юлия Цезаря»...

В.Д.: Он уже снят был, да? Уже ушел?

П.А.: «Гамлет» уже сошел и «Юлий Цезарь» сошел.

В.Д.: Значит, вы видели «На дне».

П.А.: Я видел все чеховские пьесы, гамсуновские пьесы, андреевские пьесы — вот что я видел, в основном.

В.Д.: И это было, собственно, вашим...

П.А.: Да, содержанием моих театральных впечатлений. Потом был Чернигов, а после Чернигова я уже, наоборот, резко охладел к театру на некоторое время, так что как раз Мейерхольда... просто я даже не был в Театре Мейерхольда. Тут обратная была реакция. Я приехал в качестве математика, и был период уже полного поглощения математикой, и из искусств уже только музыка была. Музыка, концерты — это я бывал очень много и очень часто, вместе с Павлом Самуиловичем Урысоном, моим близким другом, с которым мы и вместе работали. Вот только что тут... третье издание большого нашего совместного мемуара... *(Идет искать книгу.)*

В.Д.: Все переложено туда, на окно. Вот это, у вас в руках?

П.А.: Это и есть как раз наша совместная работа с Урысоном. Это корректура третьего издания.

В.Д.: «Мемуар о компактных и топологических пространствах»? Вы мне дали это в руки — я думал, что это мемуары. *(Смеется)*.

П.А.: Нет-нет-нет! Вот такое — одно из основных сочинений наших математических совместных. Но Урысон (он был тоже ученик Лузина) погиб в 1924 году трагическим образом: в Бретани мы были вместе, он во время купания...

В.Д.: ...утонул.

П.А.: Да. Но, собственно, нельзя сказать, что утонул... Он был брошен волной об скалу и так погиб.

В.Д.: Урысон — ведь это был крупный математик?

П.А.: Это был очень крупный математик, да.

В.Д.: Но не успел развернуться — ему что же было?..

П.А.: Двадцать шесть лет было. Но у него два тома есть, двухтомник его сочинений.

В.Д.: Ага. Простите, а что значит на математическом языке «мемуар»?

П.А.: Мемуар — это большая работа просто такая. Сейчас это малоупотребительно.

В.Д.: Да, это так, на французский манер...

П.А.: На французский манер, это было вполне принято в те времена, и во французской математической литературе принято и сейчас. Мемуар — это всякая большая математическая работа.

В.Д.: Труд.

П.А.: Да, но журнальный... Тем не менее, мемуар — это не есть монография, это есть большая журнальная статья — точное определение того, что такое мемуар.

Возвращение в Москву и в математику

В.Д.: Так, вернемся к университету.

П.А.: Давайте.

В.Д.: Во-первых, дальнейшее формирование вашей университетской математической школы, то есть московской математической школы, кем она дальше пополнялась и, соответственно, человеческие портреты? Пока я знаком из нашей беседы с Егоровым и с Лузиным.

П.А.: Я вернулся в Москву в 20-м году. Я кончил эти аспирантские экзамены и с 21-го года, ровно пятьдесят лет, в нынешнем году исполняется ровно пятьдесят лет моей преподавательской деятельности в Московском университете.

В.Д.: Да, редкий юбилей.

П.А.: Ровно пятьдесят лет.

В.Д.: Вы начали, значит, ассистентом или сразу доцентом?

П.А.: Нет, тогда не было ассистентов, во всяком случае на нашем факультете. Я сразу сделался доцентом.

В.Д.: Доцент физмата МГУ.

П.А.: Да-да, с 1 сентября 1921-го года, вместе с Урысоном.

В.Д.: Вам двадцать пять лет было.

П.А.: Мне было двадцать пять лет. Вместе с Урысоном, моим самым близким другом тогда. И в это же время были еще доцентами Иван Иванович Привалов и Вячеслав Васильевич Степанов. Степанова как раз прекрасно знает Надежда Романовна Эйгес. Это тоже один из постоянных участников встреч с Эйгесами, постоянно, почти ежедневно, видевшихся с разными членами этой семьи. Вообще семья Эйгесов и в моей жизни, и в жизни Вячеслава Васильевича Степанова сыграла очень большую роль.

Вячеслав Васильевич Степанов был один из самых крупных по своему влиянию профессоров Московского университета и наиболее ярких представителей нашего факультета. Он был в последние годы своей жизни членом-корреспондентом Академии наук.

В.Д.: Он умер?

П.А.: Он умер, да.

В.Д.: Давно?

П.А.: Умер он в 1950-м году, в возрасте шестидесяти одного года, даже неполных, на шестьдесят первом году своей жизни. Он был крупным математиком, но не математиком, конечно, самого первого разряда. Он был математиком меньшего масштаба, чем, скажем, Лузин, чем даже Привалов, чем целый ряд современных советских математиков (Колмогоров и другие), но он был профессором Московского университета, очень большим эрудитом, человеком в высшей степени преданным университету, человеком, который в высшей степени заботился о математической и общей культуре студентов. Вообще, он был, если так можно выразиться, душою нашего факультета. В этом смысле его роль была даже больше, чем роль

его собственных научных открытий. Он был преданный ученик Егорова и унаследовал от Егорова не только эрудицию...

В.Д.: ...но и стиль педагогической деятельности.

П.А.: Да, и стиль педагогической работы, и этот темперамент, я бы сказал, общественно-педагогический, и, что, может быть, важнее всего, его моральный авторитет.

В.Д.: А у Егорова тоже был очень большой моральный авторитет?

П.А.: Да! И об этом я уже говорил. Это был абсолютный моральный авторитет. Учеником Егорова является Иван Георгиевич Петровский, с которым вы, как будто, беседовали.

Студент И.Г. Петровский приветствует Всесоюзный съезд математиков. Москва, 1927. В президиуме (слева направо): Н.Н. Лузин, Д.Ф. Егоров, С.Н. Бернштейн, В.В. Степанов

В.Д.: Нет, в таком плане еще нет. *(После раздумья.)* А-а-а, это мне очень важно. Он тоже ученик Егорова?

П.А.: Он ученик как раз Егорова.

В.Д.: Ага. Но потом, по-моему, его имя так немножко затерли.

П.А.: Ведь он был репрессирован.

В.Д.: Ах, даже... Я знаю, что он был очень церковный человек...

П.А.: Вот он и пострадал из-за этого.

В.Д.: Из-за этого пострадал? Он был старостой даже церковным?

П.А.: Да, из-за этого пострадал, и последний год своей жизни был репрессирован. Правда, он был освобожден, но уже за несколько месяцев до своей смерти. Умер он в Казани, в клинике. Был тяжело болен, умер от рака.

В.Д.: Когда же?

П.А.: Это было в 1930-м... простите, 31-м году.

В.Д.: 31-м? Тогда, значит, он до самых трудных времен не дожил, в общем-то. Но я помню, что пролетарское студенчество моего времени его фамилию упоминало, так сказать, иронически, и именно с точки зрения, что вот старичок, церковный староста.

П.А.: Он не был таким уж старичком, ему было всего шестьдесят лет.

В.Д.: А у меня остался образ (я его никогда не видел), что это древний человек.

П.А.: Нет-нет.

В.Д.: Ну, тогда вообще педократия была. *(Смеется.)* Педократия была в университете, то есть студенты распоряжались.

П.А.: Ну, тут было много несправедливого.

В.Д.: Конечно.

П.А.: Его заслуги перед нашим факультетом чрезвычайно велики. Во всяком случае, его портрет висит у меня в комнате.

В.Д.: На факультете?

П.А.: Нет, здесь, то есть в моем кабинете.

В.Д.: А на факультете висит у вас портрет?

П.А.: Тоже висит, да, в комнате кафедры моей висит портрет Егорова. И здесь у меня дома висит.

В.Д.: Ну, потом стало поступать уже...

П.А.: Более молодое поколение. Вот Урысон как раз, вместе со мной, принадлежали к молодому поколению. Дмитрий Евгеньевич Меньшов, которому скоро восемьдесят лет, тоже являлся представителем этого молодого поколения.

Дмитрий Евгеньевич Меньшов ведет научный семинар. 1975 г.

В.Д.: Он жив?

П.А.: Да.

В.Д.: Может быть, его стоит записать?

П.А.: Может быть. Он такой своеобразный человек. До сих пор играет в теннис, но, в то же время, я думаю, не очень охотно пойдет на такое собеседование, насколько я знаю. Но он может очень много рассказать о Лузине, потому что самые близкие отношения с Лузиным из всех его учеников, ныне живых, конечно, остаются у Дмитрия Евгеньевича Меньшова.

Хинчин был одним из самых влиятельных в научном отношении профессоров Московского университета... 20-е годы, в основном, — это период уже все-таки начавшегося, к сожалению, очень рано угасания... Вот, значит, после Лузина... Высший расцвет Лузина — это, я бы сказал, десятилетие: с 1915-го по 1925-й год. Потом пошло уже...

В.Д.: Под уклон, да?

П.А.: ...под уклон. А уж когда его избрали в академики, то это было резким уклоном, как и некоторой деградацией всей личности в целом.

В.Д.: Ах, так? С чем же это было связано?

П.А.: Ну, не стоит это все поднимать, это, так сказать, не предназначено для истории.

В.Д.: Для истории все предназначено. Она сама должна разбираться.

П.А.: А уже потом, опять-таки вторая половина 20-х годов — тут уж появляется Колмогоров... Да, еще Люстерник старше, потом Колмогоров все больше и больше значения как ученый и как деятель факультетский приобретает. Потом целый ряд отдельных крупных, очень крупных математиков, как Шнирельман, Гельфонд. Но, конечно, все более и более большой фигурой делается Колмогоров. Потом уже Иван Георгиевич Петровский, начиная примерно с 27-го года, выходит на сцену.

В.Д.: Он как ученый, математик — крупный, видимо?

П.А.: Первого масштаба, ученый самого крупного масштаба. Вот это часто недооценивается: его лавры руководителя университета отодвигают как будто бы на второй план его научные работы. Это совершенно неверно. Петровский — один из самых крупных представителей современной математики, в области дифференциальных уравнений главным образом, он имеет тут в полном смысле слова международное положение. Когда ему исполнилось семьдесят лет в нынешнем году, на это прореагировала вся мировая научная общественность статьями, ему посвященными, крупных, крупнейших, можно сказать, математиков, работавших в областях, близких к работам Петровского.

В.Д.: А здесь он отказался от юбилея.

П.А.: Да, от юбилея он отказался, это я понимаю.

В.Д.: Правильно, потому что он больной уже.

П.А.: Да нет, помимо этого. Они — очень тяжелая вещь.

В.Д.: Да. А с физиками вы водились, так сказать?

П.А.: Мало. Мало.

В.Д.: В этом поколении, где Колмогоров (хотя он немножко помоложе), тот же Седов — это вас не касалось?

П.А.: Нет, Седова я хорошо помню еще студентом. Но ведь Седов же, по существу, вообще кончал университет как математик, и я его знал как студента-математика. Так же, как Келдыш — это математик в первую очередь, а уж потом механик. Лаврентьев, конечно, тоже одновременно. Он немножко старше Колмогорова — на два года.

В.Д.: Лаврентьев, который сейчас Новосибирск возглавляет?

П.А.: Да-да. Это тоже ученик Лузина.

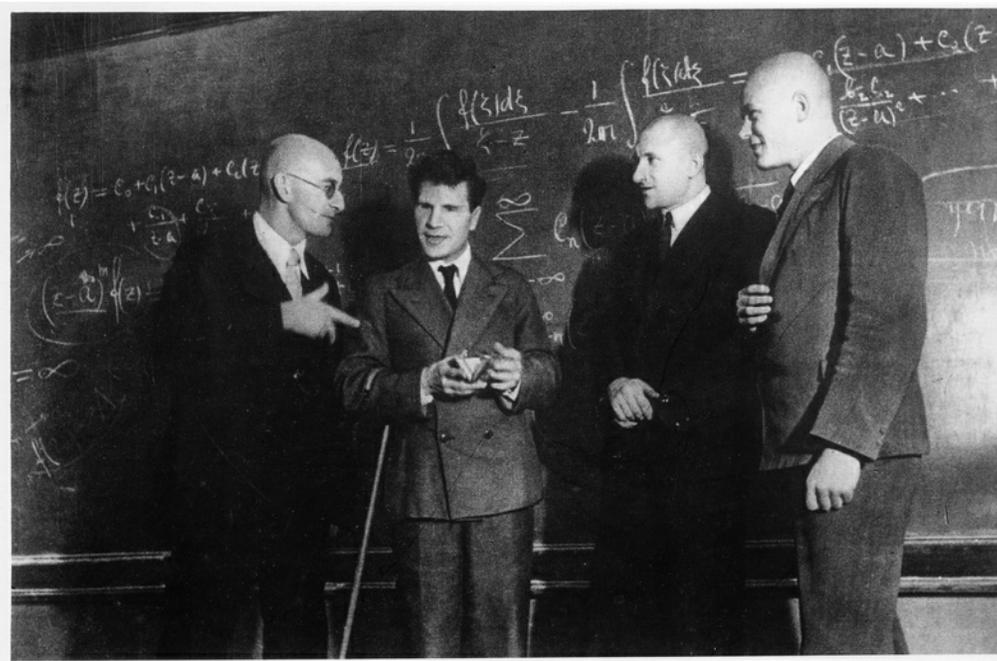
В.Д.: Какая блестящая плеяда!

П.А.: Это блестящая была плеяда. Вот это более молодое поколение — Люстерник, Лаврентьев, Бари Нина Карловна (ученица Лузина, чрезвычайно талантливая, тоже умершая уже), Колмогоров, Шнирельман, Гельфонд (ну, Гельфонд — ученик Привалова уже). Это большая, конечно, плеяда московских математиков, которые прямо или косвенно, но вышли из лузинской школы. Большинство — прямо.

В.Д.: Да, Седов — это уже моложе.

П.А.: Это моложе. Седов, Понтрягин — это уже, так сказать, поколение...

В.Д.: А Понтрягин — большой ученый?

Слева направо: П.С. Александров, Л.С. Понтрягин, А.Г. Курош, А.И. Узков

П.А.: Ну, еще бы! Понтрягин — мой ученик, один из крупнейших мировых топологов, сейчас работающий в области так называемых оптимальных проблем регулирования — такими вопросами, по существу, прикладного характера занят. Но он, собственно говоря, специалист по теории дифференциальных уравнений и связанных с ними уже прикладных задач. Но это ученый самого первого тоже масштаба, самого первого класса. Понтрягин, Тихонов — это мои ученики.

В.Д.: Это уже ваши ученики.

П.А.: Да, это мои ученики: Понтрягин, Тихонов, Курош.

В.Д.: Вы с какого года профессором?

П.А.: Доцентом я с 21-го, а профессором с 29-го.

В.Д.: А академик?

П.А.: В 29-м же году меня избрали в члены-корреспонденты Академии...

В.Д.: Уже, да?

П.А.: Да. А в 53-м — в академики.

В.Д.: Так что вы уже и академик с очень большим стажем, почти двадцать лет.

П.А.: Ну, в соответствии с возрастом. Так-то меня поздно выбрали в академики. Я выбран все-таки был в академики, когда мне было пятьдесят семь лет, это не есть ранний выбор.

О Н.Н. Лузине

В.Д.: Меня заинтересовало ваше упоминание о Лаврентьеве.

П.А.: Это очень крупный математик.

В.Д.: Очень крупный математик?

П.А.: Да, начавший свои работы в очень абстрактных областях математики, как и почти все ученики Лузина. Ведь Лузин сам был представитель так называемой теоретико-множественной математики, то есть одной из наиболее абстрактных областей математики. И все его ученики начинали в разных областях, относящихся к этому общему большому направлению теоретико-множественной математики. В этих областях и старшее поколение, то есть Хинчин, Меньшов, я, Урысон, чрезвычайно одаренный математик Суслин, который умер в 919-м году и научная деятельность которого продолжалась, собственно, каких-нибудь три года. Даже два года, потому что, собственно говоря, она началась в середине 16-го года и кончилась в начале 18-го.

В.Д.: Я никогда не слышал этой фамилии. Суслин?

П.А.: Суслин, Михаил Яковлевич Суслин, происходивший из крестьянской семьи, из деревни, из Саратовской губернии, родившийся в 1894-м году. Значит, на два года старше меня. И умерший трагически, от сыпного тифа, в 919-м году. А трагически, потому что он как-то так не получил работы... Как раз это и есть те воспоминания о Лузине, которые довольно тяжелы и мрачны. Лузин все-таки...

В.Д.: Не поддержал его?

П.А.: (*После колебаний.*) Короче говоря, Суслин не нашел работы в этот момент, уехал к себе в деревню... О последних месяцах его жизни мне, собственно, ничего не известно, кроме того, что он заболел сыпным тифом и умер.

В.Д.: А Лузин, что же, был немножечко аристократичен в этом смысле?

П.А.: Нет, он не был аристократичен. Лузин переживал тяжелый период в своей собственной научной работе, и на этой почве осложнились отношения с его учениками.

В.Д.: Он, так сказать, фигурировал в это время как представитель буржуазной профессуры?

П.А.: Нет! Это вообще никакого отношения не имело ни к каким социальным...

В.Д.: Ах, не имело?

П.А.: Нет-нет, это относится исключительно к области психологии научной деятельности и проблемам взаимоотношений между...

В.Д.: Учителем и учеником?

П.А.: Да, между учителем и учеником, здесь никакого социального момента нет.

В.Д.: А он был... ведь есть учителя, которые...

П.А.: Есть учителя, которые все-таки в какой-то момент своей деятельности. (*Подыскивает слово*)...

В.Д.: ...ревнуют учеников к их успехам.

П.А.: Да, если хотите.

В.Д.: Это, конечно, тяжелая вещь.

П.А.: Тяжелая вещь, вот она имела место.

”

Наоборот, в первый период деятельности Лузина он с чрезвычайной широтой ставил свои проблемы ученикам и руководил ими. Потом у него появился момент некоторого опасения за свои собственные... и вообще острого переживания своих собственных научных успехов и своего признания.

Это пошло, вообще, по тяжелым таким направлениям.

В.Д.: Ага, понятно. Это довольно частая вещь, на этом спотыкаются иногда очень большие люди.

П.А.: Ну да. Тут это имело характер, действительно, трагический прежде всего для самого Лузина, потому что, по существу, на этом его собственная... Я думаю, что он никогда до конца не мог пережить эту трагедию с Суслиным. Во всяком случае после смерти Суслина, нужно прямо сказать, уже мало было действительно таких работ Лузина, которые бы шли в уровень с его прежними. Вскоре после смерти Суслина, можно сказать, наступило известное исчерпание продуктивности самого Лузина.

В.Д.: Но как педагог Лузин?..

П.А.: В последние годы тоже не был на том уровне. Я тут, так сказать, в роли Пимена-летописца выступаю...

В.Д.: Это очень важно.

П.А.: Но такие темы слишком еще... Пимен писал, по крайней мере, для того, что будет через столетия только известно. Правда, может быть, это...

В.Д.: Надеюсь тоже, что может быть...

П.А.: Я опасаясь, что это, так сказать, погрузится в какие-нибудь подвалы и...

В.Д.: И сгинет. Все может быть, конечно. Что от меня зависит, буду делать, чтоб это осталось. Понимаете ли, цензурировать за историю не надо, надо ей предоставить возможность это потом делать самой. И вот, собственно, когда вы это сказали, образ Лузина стал для меня более конкретный и живой.

П.А.: Образ Лузина, я считаю, есть образ прежде всего трагический.

”

Это человек с очень большими внутренними конфликтами, и если бы был жив Достоевский и если бы Достоевский получил доступ в научные наши круги, то я думаю, что Лузин мог бы сделаться одной из центральных фигур какого-нибудь романа Достоевского. Вот так.

В.Д.: Ах, вот как даже!

П.А.: Фигура в полном смысле слова трагическая, в высшей степени противоречивая, которой были доступны, совершенно независимо от ее творческих взлетов... Лузин, конечно, был гораздо более крупным ученым, гораздо более крупным талантом, чем то, что ему удалось осуществить. Его возможности как математика были, несомненно, гораздо больше, но... Теперь, его возможности как человеческой личности были тоже очень велики, но тут были чрезвычайно... Как человек, как человеческая личность он был способен к чрезвычайно большим взлетам и вдохновениям, но, как часто бывает у крупных людей, он был способен и к...

В.Д.: ...падениям.

П.А.: ...глубоким падениям. В частности, вся эта история вокруг Сулина, конечно, принадлежит к числу таких...

В.Д.: Он его не пустил в университет?

П.А.: Он его не пустил даже в Саратовский университет. Он написал характеристику ему, в силу которой он не был принят в Саратовский университет.

В.Д.: Прекрасный университет был.

П.А.: Ну да, но тогда это был молодой университет. Он сам из Саратовской губернии, ему было очень важно там остаться, в Саратове, там он сохранил бы связь со своим домом крестьянским и там...

В.Д.: Чтобы легче было жить?

П.А.: Легче было жить просто. Но он не оказался взятым в Саратовский университет, остался у себя в деревне и там умер.

В.Д.: И вы думаете, что для самого Лузина это осталось большой царапиной.

П.А.: Думаю, что да, во всяком случае, возникли очень тяжелые переживания по этому поводу. Портрет Сулина стоял у него на письменном столе...

В.Д.: У Лузина?

П.А.: Да.

В.Д.: Как интересно — человечески.

П.А.: Я думаю, что его отношения с Сулиным никогда не были им забыты. Но, правда, это уже с моей стороны чтение в сердцах.

В.Д.: Понимаю, но «описывай, не мудрствуя лукаво, все то, чему свидетель в жизни будешь...»²⁰ Именно, именно, вы правильно поняли позицию. Ведь, как вы помните, Пимен кончает летопись современностью.

²⁰ Слова, произнесенные летописцем Пименом в сцене «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов».

А вы с Игорем Евгеньевичем Таммом?..

П.А.: Ах, несколько встреч было в разных обстоятельствах, в домах отдыха. Тоже я был всегда очарован этим человеком.

В.Д.: Он физик или математик?

П.А.: Он физик, но он теоретический физик. Теоретическая физика, как известно, близка к математике, но все-таки он был настоящий физик, а я был только математик. У нас с ним больших научных контактов не было, но всегда была, по-моему, взаимная симпатия большая, в частности, на почве любви к музыке, на почве некоторых общих близких знакомых. Я был очень близок с другим физиком — недавно умершим Алихановым, академиком. Это очень крупный был физик, экспериментатор (тогда как Тамм был всегда теоретик), человек в высшей степени обаятельный, с очень большими музыкальными интересами.

В.Д.: Это Алиханов?

П.А.: Алиханов. Он очень любил музыку, любит музыку и Тамм. Вторая жена Алиханова — известная скрипачка Слава Соломоновна Рошаль, и их сын — тоже концертирующий пианист, Тигран Алиханов. Ученик Оборина, очень талантливый, по-моему, молодой пианист, выступавший неоднократно. Этот дом, стало быть, такой музыкальный, там очень много музыки — там мы тоже встречались с Игорем Евгеньевичем Таммом. А кроме того, мы с Алихановым многие километры проплавали в Черном море: Батилиман такой был — я не знаю, помните ли вы.

В.Д.: Я был там тоже в 33-м году.

П.А.: Вот, и я там же был в 33-м тоже, и Алиханов: 33-й, 34-й... Тогда и ПонTRYгин там бывал, который был ведь... товарищем, во всяком случае, вашего брата²¹.

²¹ Речь идет о старшем брате В.Д. Дувакина, Вячеславе Дмитриевиче (1907-1967), окончившем математическое отделение МГУ (следует отметить, что, хотя в документах он фигурировал как Вячеслав, все звали его Владиславом).

В.Д.: Да-да.

П.А.: Никогда не знаю, насколько была это близкая дружба...

В.Д.: Близкая как раз лично. Брат не выделялся там вообще, но дружба с ПонTRYгиным очень хорошая.

П.А.: Потом из Понтрягина вышел ученый, конечно, абсолютно мирового класса.

В.Д.: Он слепой был...

П.А.: Тем не менее. Я горжусь Понтрягиным как своим учеником. Моими учениками, наиболее знаменитыми, были Понтрягин, Курош... Понтрягин, Тихонов — так уж, по чинам называть, академики... Курош, ныне здравствующий, хотя и тяжело больной, заведующий кафедрой алгебры (сейчас после инфаркта он лежит в больнице) — тоже мой ученик. Ну, и ряд других моих учеников. Более молодые, совсем молодые у меня и сейчас.

Павел Сергеевич Александров

В.Д.: А с Игорем Евгеньевичем вы встречались только вот так...

П.А.: Да, ну, в академических, конечно, всяких обстоятельствах, на сессиях Академии наук, у общих знакомых, в домах отдыха — вот таким образом.

В.Д. (Смеясь.) И Батилиман помните с 33-го года?

П.А.: Да, конечно, конечно.

В.Д.: Хорошее место было.

П.А.: Хорошее место. Там, я не знаю, в то ли лето, был Оборин.

В.Д.: Я-то был там несколько дней всего.

П.А.: Ну да, а Оборин был там или в 33-м, или в 34-м. Там я каждый год бывал, и Алиханов каждый год бывал в течение нескольких лет. Там произошло его знакомство с будущей женой Славой Соломоновной Рощаль, тоже на музыкальной почве, она тогда там играла. Они с Обориным, между прочим, там выступали, если я не ошибаюсь.

В.Д.: А об Игоре Евгеньевиче, как о человеке, что вы можете сказать?

П.А.: Вообще недостаточно конкретного материала, чтоб это...

В.Д.: ...развить.

П.А.: Да. Но, во всяком случае, основное впечатление — это чрезвычайное обаяние его личности человеческой, и в то же время знание того, что это очень крупный ученый.

В.Д.: А вы не знаете, кто он по национальности?

П.А.: По-моему, из немцев каких-нибудь балтийских, я так думаю.

В.Д.: Ах, так.

П.А.: По-моему, так, но могу и ошибаться.

В.Д.: Я вот начал говорить, но перебилось: относительно Лаврентьева. Мне очень интересно еще вот что. Совсем недавно при одном знакомстве, такой художник есть Зимин, у которого в 20-х был такой небольшой... что-то вроде салона, где бывали литераторы, художники и так далее. Вот он говорил, что постоянно у меня был теперешний академик Лаврентьев, который страшно любил стихи. Всегда спрашивал, и если у меня кто-нибудь читал, то он обязательно приходил.

П.А.: Лаврентьев вообще очень талантливый человек, и разносторонне талантливый: не только первоклассный математик, не только, конечно, первоклассный организатор (потому что все-таки весь сибирский филиал он создал), но Лаврентьев, конечно, — очень яркая и очень романтическая личность, человек с большими внутренними увлечениями. Вообще, он в полном смысле слова незаурядный человек, по всей широте своих интересов и исключительной широте своих способностей. Так же, как и Иван Георгиевич Петровский, хотя и совсем в другом роде. Иван Георгиевич Петровский — исключительно скромный человек и, так сказать, замкнутый все-таки, но тоже человек исключительного, конечно, диапазона и как ученый, и как исключительный, конечно, организатор науки, университетской жизни и так далее.

Первая публикация интервью: Александров П.С. Беседа 6 апреля 1971 года // Математики рассказывают. М.: «Минувшее», 2005. С. 7–37.